

ГЕКТОР МАЛО

БЕЗ СЕМЬИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

ГЕКТОР МАЛО

БЕЗ СЕМЬИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М19

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с французского *А. Рождественской*

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фереа*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Мало, Гектор.

М19 **Без семьи** : [роман] / Гектор Мало ; [перевод с французского *А. Рождественской*]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-183772-3

«Без семьи» — трогательная история о мальчике-беспризорнике Реми, проданном за два гроша приемным отцом бродячему артисту и вынужденном скитаться по Франции в поисках настоящих родителей.

На пути Реми ждет множество испытаний, лишений и невзгод. Ему суждено пережить смерть близких и предательство. Удастся ли мальчику сохранить силу духа, найти семью, настоящих друзей и стать счастливым?..

Повесть неоднократно экранизировали. В 1984 году вышел отечественный фильм Владимира Бортко, а в 2000-м — французская кинокартина с Пьером Ришаром.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-183772-3

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

В ДЕРЕВНЕ

Я найденыш. Но до восьми лет думал, что живу, как и все другие дети, с матерью. Если я начинал плакать, ко мне подходила женщина и так нежно обнимала и ласкала меня, что слезы мои тотчас же высыхали.

Когда я ложился спать, эта женщина всегда приходила поцеловать меня, а когда зимняя вьюга залепляла снегом окна нашего домика, она отогревала руками мои ноги и пела песенку, мотив которой и несколько слов я помню до сих пор.

Если я пас нашу корову и начинался дождь, эта женщина прибежала за мной и, прикрыв мне голову и плечи своей шерстяной юбкой, вводила домой. А если я ссорился с кем-нибудь из своих товарищей, я поверял ей свое горе — и она всегда находила ласковые слова, которые утешали и успокаивали меня.

Вот по всему этому и по тому, как она смотрела на меня, как говорила со мной, как ласкала меня

и как кротко выговаривала мне, я думал, что она моя мать.

Я жил в деревне Шаванон, одной из самых бедных в центральной Франции, потому что земля там очень неплодородна. Возделанных полей мало; огромные пространства заросли мелким кустарником, а за ними тянутся обширные пустоши, на которых не растет ничего, кроме вереска и дрока*. Там дует резкий ветер и лишь местами попадаются хилые деревья. Только по берегам рек и в небольших долинах можно увидеть красивые деревья — высокие каштаны и могучие дубы.

В одной из таких долин, на берегу ручейка, впадающего в приток Луары, стоял домик, в котором я провел мое раннее детство.

У нас в доме не было мужчин. Но моя мать не была вдовой — ее муж, каменщик, работал, как почти все здешние крестьяне, в Париже и с тех пор, как я себя помнил, ни разу не приходил домой. Только время от времени он присылал нам весточку с кем-нибудь из своих товарищей, возвращающихся из Парижа.

— Матушка Барберен, ваш муж здоров. Он поручил мне сказать вам, что работа идет хорошо, и просил передать вам деньги. Сосчитайте-ка.

Вот и все. Матушка Барберен была довольна такими вестями. Ее муж здоров, работа идет хорошо, и он получает достаточно денег.

* Вёреск и дрок — низкорослые кустарники.

Однажды в ноябре, уже в сумерках, какой-то незнакомый мужчина остановился у нашей калитки. Я был в это время около дома и ломал хворост. Не отворяя калитки и глядя поверх нее, этот человек спросил у меня, тут ли живет матушка Барберен.

Я предложил ему войти. Незнакомец толкнул калитку, заскрипевшую на петлях, и медленно пошел к дому.

Никогда еще я не видел такого перепачканного в грязи человека. Куски грязи, иные уже высохшие, а другие еще мокрые, покрывали его с головы до ног. Было видно, что ему пришлось долго идти по плохим дорогам.

Услышав наши голоса, матушка Барберен убежала из дома и около двери встретила с ним.

— Я принес известия из Парижа, — сказал мужчина.

Такие слова слышал я уже много раз, но он произнес их совсем не так, как приходившие из Парижа рабочие, и не прибавил, как они: «Ваш муж здоров, работа идет хорошо».

— Господи! — воскликнула матушка Барберен, сложив руки. — С Жеромом случилась беда!

— Ну да, только не вздумайте заболеть от страха. Ваш муж сильно расшибся — вот вам вся правда, — но он не умер. А калекой, пожалуй, останется. Теперь он в больнице. Наши кровати стояли рядом, и, когда я начал собираться домой, он попросил меня зайти по дороге к вам и рассказать

вам, в чем дело... Ну, я не могу дольше оставаться, мне нужно пройти еще три мили, а скоро уж ночь.

Матушке Барберен хотелось разузнать о муже поподробнее, и она упросила незнакомца поужинать с нами и переночевать у нас: дороги очень плохи, а в лесу, по слухам, бродят волки. Ему лучше отправиться в путь завтра утром.

Мужчина сел около очага и за ужином рассказал, как все случилось. Подмости, на которых стоял Барберен, рухнули и чуть не раздавили его до смерти. Но так как оказалось, что ему совсем не следовало взбираться на эти подмости, то подрядчик отказался заплатить ему за увечье.

— Да, бедняге Барберену не повезло, — сказал наш гость. — Кто-нибудь похитрее сумел бы воспользоваться таким случаем и наверняка получал бы постоянный доход, но ваш муж не получит ничего. Впрочем, я советовал ему начать дело и требовать вознаграждения.

— Но ведь судиться стоит очень дорого.

— А если он выиграет дело?

Матушке Барберен хотелось съездить в Париж, но дорога была дальняя и обошлась бы дорого. Она не знала, на что решиться, когда от ее мужа пришло письмо.

Он писал, чтобы она не ездила в Париж, а прислала ему денег на ведение дела с подрядчиком, на которого он подал жалобу.

Проходили дни, недели, а матушка Барберен все получала письма с требованием денег. Нако-

нец в последнем письме муж ее писал, что если денег больше нет, то нужно продать корову.

Только в крестьянских семьях знают, как много значит корова и как тяжело продавать ее. Крестьянин может быть очень беден, у него может быть большая семья, но он знает, что его жена и дети будут сыты, если у него есть корова. А пасти ее сможет даже ребенок в таких местах, где трава не принадлежит никому.

Мы благодаря нашей Рыжке питались хорошо, хотя почти никогда не ели мяса. Но она не только кормила нас, она была нашим другом. Напрасно некоторые считают корову глупой — напротив, это очень умное животное. Мы ласкали Рыжку, разговаривали с ней, и она понимала нас. А сама умела так смотреть на нас своими большими кроткими глазами, что и мы понимали, что ей нужно. Мы очень любили ее, а она любила нас. И вот нам приходилось расставаться с ней, потому что Барберен требует денег.

Пришел лавочник и долго осматривал Рыжку со всех сторон, ощупывал ей бока и, недовольно покачивая головой, повторил несколько раз, что она ему не подходит и, должно быть, дает мало молока. Наконец он все-таки сказал, что купит ее из уважения к такой хорошей женщине, как матушка Барберен.

Бедная Рыжка, как будто чувствуя, что происходит, не хотела выходить из стойла и начала реветь.

— Зайди сзади и выгони ее, — сказал лавочник, подавая мне кнут.

— Ну уж этого не будет, — возразила матушка Барберен.

Она подошла к Рыжке и ласково сказала:

— Пойдем, моя красавица, пойдем!

И Рыжка тотчас же пошла. А когда мальчик привязал ее к телеге, бедняжке уж поневоле пришлось идти за ней.

Мы вернулись домой, но еще долго доносилось до нас мычанье Рыжки.

Прощай, масло! Прощай, молоко! Теперь по утрам нас ждет лишь кусок хлеба, а вечером — картофель с солью.

Вскоре после того, как мы продали корову, наступила Масленица. В прошлом году матушка Барберен угощала меня в последний день Масленицы блинами и оладьями. И я ел их с таким аппетитом, что она была очень довольна. Но тогда у нас была Рыжка, а теперь ее нет, масла и молока тоже нет, и нам уж не придется отпраздновать как следует последний день Масленицы.

Но матушка Барберен сделала мне сюрприз. Хоть она и не любила занимать что-нибудь, но на этот раз попросила у одной соседки чашку молока, у другой — немного масла. Вернувшись домой, я увидел, что она насыпает муку в глиняный горшок.

— Мука! — воскликнул я, подходя к ней.

— Да, и отличная мука, мой миленький Реми, — с улыбкой сказала она. — Понюхай, как она хорошо пахнет.

Мне очень хотелось узнать, что сделает из этой муки матушка Барберен, но я не решался спросить. Мне не хотелось напоминать ей, что сегодня последний день Масленицы, так как это наверняка огорчило бы ее.

— Скажи-ка, что делают из муки? — спросила она.

— Хлеб.

— А еще что?

— Кисель.

— А еще?

— Еще... Я не знаю.

— А еще из нее делают блины и оладьи; ведь сегодня последний день Масленицы. Погляди-ка сюда.

Она показала на полку, и я увидел молоко, масло, яйца и три яблока.

— Дай мне яйца и, пока я буду ставить тесто, очисти яблоки и нарежь их ломтиками, — сказала она.

И мы весело принялись за работу. Выбив тесто, матушка Барберен поставила его в теплое местечко. Теперь оставалось только ждать вечера: тесто поднимется, и можно будет печь блины и оладьи.

Если сказать правду, день показался мне очень длинным, и я несколько раз приподнимал полотенце и заглядывал, не поднялось ли тесто.

— Наломай хворосту, — сказала наконец матушка Барберен. — Нужно развести хороший огонь.

Ей не пришлось повторять свои слова дважды — я с нетерпением ждал этой минуты.

Скоро запылал большой огонь. Матушка Барберен сняла с гвоздя сковороду и поставила ее на горячие угли. Потом взяла кусочек масла и положила его на сковороду, когда та разогрелась. Ах, какой чудный запах пошел от него! И как весело трещало и шипело масло! Однако, как ни внимательно слушал я эту музыку, мне показалось, что кто-то идет по двору. Наверное, соседка, чтобы попросить у нас горячих углей. Но мне некогда было раздумывать об этом, потому что в эту самую минуту матушка Барберен взяла на ложку теста и вылила его на сковороду.

Вдруг палка стукнула о порог и дверь отворилась.

— Кто там? — спросила, не оборачиваясь, матушка Барберен.

Вошел какой-то мужчина в белой блузе и с палкой в руке.

— А здесь, как я вижу, справляют праздник? — сказал он. — Не стесняйтесь, пожалуйста.

— Господи! — воскликнула матушка Барберен, отставив сковороду и бросившись к нему. — Это ты, Жером!

Потом она сказала мне:

— Это твой отец.

Глава II

ОТЕЦ

Я хотел подойти и поцеловать его, но он, протянув палку, остановил меня.

— Это кто такой? — спросил он.

— Это Реми.

— Но ведь ты мне писала...

— Да, писала, только... Только это была неправда, потому что...

— А, неправда!

Подняв палку, он сделал шаг ко мне, и я невольно попятился. Что я сделал не так? В чем виноват? Почему он так обращается со мной, ведь я хотел его поцеловать? Но мне некогда было раздумывать над этим.

— А вы, как я вижу, справляете Масленицу, — сказал Барберен. — Это очень кстати, потому что я страшно голоден. Что у тебя на ужин?

— Я хотела печь блины.

— Да, вижу. Но ведь не блинами же ты будешь угощать человека, который прошел такую дальнюю дорогу!

— Ничего другого у меня нет. Мы не ждали тебя.

— Как ничего нет? Ничего на ужин?

Он огляделся вокруг.

— Вот масло, — сказал он, потом посмотрел на потолок, где у нас прежде висели окорока, теперь там не было ничего, кроме нескольких луковиц. —

А вот лук, — продолжал Барберен, сбив палкой луковицу. — Из масла и нескольких луковиц выйдет славный суп. Сними тесто со сковороды и поджарь лук.

Значит, блинов не будет! Матушка Барберен без возражений поспешила исполнить приказание мужа, а он в ожидании ужина сел на лавку около очага.

Я не решался двинуться с места и, сидя около стола, смотрел на Барберена.

Это был человек лет пятидесяти, с суровым лицом. Должно быть, вследствие полученного ушиба он держал голову не прямо, а слегка склонял ее к правому плечу, и это придавало ему какой-то подозрительный вид.

Матушка Барберен положила на сковороду кусочки масла и поставила ее на горячие угли.

— Почему ты положила так мало масла? Какой же суп выйдет из этого? — сказал Барберен и бросил на сковородку весь кусок.

Масла нет — не будет и блинов! В другое время это меня очень огорчило бы, но теперь мне было не до блинов и оладий; я думал о том, что этот сердитый человек — мой отец.

Когда я хотел поцеловать его, он протянул палку, чтобы остановить меня. Почему? Матушка Барберен никогда не отталкивала меня, если я хотел поцеловать ее; она и сама обнимала меня тогда и прижимала к себе.

— Вместо того чтобы сидеть таким истуканом, — вдруг сказал он мне, — принеси лучше тарелки.

Я поспешил исполнить его приказание. Суп поспел, и матушка Барберен разлила его по тарелкам.

Барберен сел к столу и принялся за ужин, изредка посматривая на меня.

Я был так смущен и так взволнован, что не мог есть, и тоже время от времени украдкой поглядывал на него, но тотчас же опускал глаза, если встречался с его взглядом.

— Что, он всегда ест так мало? — спросил Барберен, показывая на меня своей ложкой.

— Нет, он ест хорошо.

— Тем хуже. Было бы удобнее, если бы он ел мало.

У меня, конечно, не было никакого желания разговаривать; матушка Барберен тоже молчала. Она ходила то туда, то сюда, прислуживая мужу.

— Значит, ты сыт, если не ешь? — спросил он меня.

— Да.

— Так ложись спать и постарайся заснуть как можно скорее, а не то я рассержусь.

Матушка Барберен быстро взглянула на меня, как бы прося быть послушным. Но это было лишнее, я и без того не посмел бы не исполнить его приказания.

Наша кухня, как и у большинства крестьян, служила одновременно и спальней. Около очага стояли стол, шкаф с посудой и все, что нужно для еды. А на другом конце кухни было все, что нужно для спанья; в одном углу стояла кровать матушки Барберен, в другом — моя, с красным ситцевым пологом.

Я в одну минуту разделся и лег, но спать не мог. Нельзя заснуть по приказу — для этого нужно быть спокойным и хотеть спать. А я был сильно взволнован и чувствовал себя несчастным. Так этот человек — мой отец? Почему же он так хорошо обращается со мной?

Повернувшись носом к стене, я закрыл глаза и старался ни о чем не думать, но сон не приходил. Через некоторое время я услышал, как кто-то подошел к моей постели. Шаги были тяжелые — это не матушка Барберен.

Горячее дыхание коснулось моего лица.

— Ты спишь? — спросил суровый голос.

Я не решился ответить — я не забыл его слов: «А не то я рассержусь».

— Он спит, — сказала матушка Барберен. — Он всегда засыпает тотчас же, как только положит голову на подушку. Ты можешь говорить, не бойся, что он услышит.

Мне, конечно, следовало бы сказать, что я не сплю, но я не посмел. Мне велели спать, а я не спал; значит, я виноват.

— Ну что же твое дело с подрядчиком? — спросила матушка Барберен.